

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
О-35

Автор обложки Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Овчинникова, Евгения

О-35 Магия Зеро : роман : [для сред. и старш. шк. возр. : 12+] / Евгения Овчинникова ; [авт. обл. М. Чечулина (Greta Berlin)]. — М. : КомпасГид, 2019. — 264 с.
ISBN 978-5-00083-497-8

«Zero enigmatico» — кричала афиша. «Zero misterioso» — вторила другая. «Spettacolo unico!» — третья, четвёртая, пятая... Шоу иллюзиониста Зеро гремят по всей Италии! Один такой вечер «уникальной, загадочной, таинственной» магии сделал каникулы 15-летних Нины, Вани и Насти незабываемыми. В самом пугающем смысле этого слова.

Целый год Нина провела на Сицилии, вдали от родного Петербурга — её семье пришлось перебраться сюда, скрываясь от преследования. Переезд изменил Нину: она больше не видит в прохожих динозавров (теперь есть монстры с щупальцами!), общается с лучшими друзьями лишь по интернету (пока те не приезжают в гости!), а главное — не рисует (только в своём воображении!). Что-то мучит её, какая-то незакрытая история из прошлой жизни — история, связанная с родителями.

Евгения Овчинникова продолжает детективную трилогию о талантливой, находчивой, но не слишком уверенной в себе Нине. Как и в книге «Иди и возвращайся», в центре событий в «Магии Зеро» не столько преступление, сколько развитие взаимоотношений главных и второстепенных героев. Теперь — в международном масштабе и с пристальным вниманием к прогрессивной науке.

Трёхкратный финалист премии «Книгуру», в жюри которой — читатели-подростки, Евгения Овчинникова (родилась в 1983 году) дебютировала в издательстве «КомпасГид» со сборником рассказов «Мортал комбат и другие девяностые». Психологический детектив «Магия Зеро» увлечет читателей среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84 (2Рос=Рус)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-497-8 © Овчинникова Е. С., текст, 2019
© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

ИЗ БУДУЩЕГО

Корабль пытался вырваться, но нарисованная реальность не отпускала его.

— Я спасу тебя, — прошептала я, взяла книгу с прилавка и прижала ее к груди.

— Prego, signorina?* — из магазина выглянул продавец.

Его тень угрожающе вытянулась в мою сторону и вдруг выпустила щупальца. Тени-щупальца потрогали витрину, стопки книг и потянулись ко мне. Я пятилась.

Продавец выскочил из магазина и закричал, на его крик сбежались другие продавцы и покупатели — все смотрели на меня.

Люди и тени-щупальца окружают. Они хотят растерзать, разорвать. Вот щупальца поднимаются по моим ногам, я отпрыгиваю и стряхиваю их.

В толпе показался человек в полицейской фуражке.

— Беги, — говорит внутренний голос.

Я крепко прижимаю книгу, разворачиваюсь и бегу, близнецы — следом за мной.

* Слушаю, синьорина? (*итал.*)

До следующего квартала за нами несутся человек пять из всей толпы, впереди — хозяин книжного. До второго поворота — только полицейский, но его щупальца тянутся ко мне и вот-вот достанут. Полицейский постепенно отстает, он непрерывно кричит на итальянском, и я думаю, что убегаю с чистой совестью, ведь я не говорю по-итальянски.

Мы мчимся, поворачиваем с одной улицы на другую, со второй на третью. Налево — у кадки с засохшей пальмой, направо — у открытого уличного бара, распугиваем посетителей, которые пьют эспрессо у мраморной стойки. Потом, тяжело дыша, останавливаемся, и я понимаю, что остановилась одна, близнецов рядом нет.

В ужасе несусь обратно, одна улица сменяет другую, они все одинаковые: двухэтажные домики, голубые и белые двери, кошки, пальмы, фикусы, звуки телевизоров, — пока не попадаюсь на глаза хозяину книжного магазинчика. Он кричит ругательства и трясет кулаками в воздухе, я снова прячусь в городском лабиринте. Из последних сил бегу и на очередном повороте налетаю на фонарный столб. Со всего размаху ударяюсь лбом. Меня швыряет назад, и я падаю спиной на мостовую. Перед глазами пляшут черные точки, голова звенит от боли. Теряю сознание, успевая увидеть двух склонившихся надо мной мужчин.

ГЛАВА 1,

В КОТОРОЙ МЫ ОКАЗЫВАЕМСЯ НА ОСТРОВЕ ОРТИДЖИЯ

Шепотом:

— Втыкай прямо в центр.

Возня и сопение.

— Не держится.

— Руки кривые!

— Не кривые у меня руки, это кекс такой!

Опять сопение.

Я посмотрела на телефон — половина десятого. Сквозь окно в келью било солнце, жарило прямо у меня над головой. Потянулась, почесала шею.

Келья — комнатка три на два с половиной метра. Кровать, шкаф. У стены — пластиковый стол, как в уличном кафе. Складной стул сложен и стоит в зазоре между стеной и кроватью. Свободного места — узкая полоска между кроватью и шкафом, не развернуться. Потемневшие обои с корзинами роз. Поверх них — мои старые рисунки с чудовищами.

— Зажигай, — раздалось из-за двери, и через секунду чиркнула спичка.

— Идем, пока не сторела.

И в ту же секунду родители постучали в дверь.

— Войдите, — ответила я сонным голосом.

Они вошли по очереди. Мама села на постель, папа прислонился к шкафу. В руках у него была тарелка с истыканным шоколадным маффином (если бы у маффина была кровь, он бы ею истекал), из которого торчала свечка с цифрой «1». Я сделала вид, что удивлена и обрадована.

— Задувай, — сказала мама.

Они оба счастливо улыбались. Я задула.

— А по какому, собственно, поводу?

— Год воссоединения семьи! Поздравляем, солнышко. Ровно год назад мы смылись из Питера с одними паспортами! Весело было, да?

Они набросились на меня и стали тискать.

— У нас есть подарок. Мы уезжаем в Ното. На неделю. Повеселитесь без нас.

Вот это было действительно неожиданно.

— А тебе — вот, — папа протянул мне две бумажки по сто евро.

— Если есть пасту аль помодоро^{*}, то прожить можно, — беззаботно сообщила мама. — Курица дешевле всего, и не ешь слишком много прошутто^{**}, а то опять схватит желудок. Холодильник мы забили, — она

^{*} Макароны с томатным соусом, национальное итальянское блюдо. (*Здесь и далее — примеч. ред.*)

^{**} Итальянская ветчина, сделанная из окорока, натёртого солью.

кивнула в сторону кряхтящего посреди гостиной холодильника. — Обязательно сходите в Греческий театр*. Держи телефон включенным, я буду писать и звонить. Иногда.

— Когда вы уезжаете? — спросила я, потому что мама набирала воздуха для очередной порции советов.

— Прямо сейчас, — ответил папа.

— Нам пора, — сказала мама, поднимаясь с кровати.

— На какие деньги?

— Жить будем у моих друзей. Едем на автобусе. Так и будем, — ответила мама. — И кофе не пей, поняла? Кофеварку можешь не искать, я ее спрятала.

Я посмотрела на папу, но он только пожал плечами, как бы говоря, что ничем помочь не может.

Мы переместились в соседнюю комнату. Папа подхватил небольшую сумку с вещами, взял маму за руку, и они вышли из гостиной прямо на улицу. Именно так: двери крошечной гостиной вели на улочку шириной в два метра. Единственное окно располагалось прямо напротив окна соседей. Они — бабушка и трое внуков — тут же выглянули и стали смотреть, как родители уходят вдоль по улочке, оборачиваются

* Греческий театр в Сиракузах (Teatro greco di Siracusa) — хорошо сохранившийся античный театр, архитектурная достопримечательность города Сиракузы. В отличие от круглого амфитеатра, ряды каменных сидений в Греческом театре поднимаются от сцены полукругом. С 2010 года Греческий театр в Сиракузах используется для летних шоу и мероприятий.

на углу, посылают воздушные поцелуи и исчезают окончательно и бесповоротно. Больше глазеть было не на что, и соседи скрылись в гостиной. Сквозь щели в их двери я видела диван, ковер на полу, разбросанные игрушки и включенный телевизор.

Я несколько секунд постояла на пороге, потом вошла в гостиную и закрыла дверь. Залезла под кровать в своей комнате, отодвинула сваленные в беспорядке вещи и у самой стены нащупала что нужно. Вытащила пачку кофе и маленькую гейзерную кофеварку, сдула с нее пыль.

— Нашлись тоже прятальщики.

Когда год назад наш самолет приземлился в Катании, я думала, что нас ждет сплошная романтика, что мы будем переезжать из одной страны в другую, не задерживаясь на месте дольше недели, думала, что будут погони, анонимные ночевки в придорожных мотелях. Но этого не случилось. После того как результаты маминих исследований попали в газеты, директор научного института и несколько помогавших ему коллег попали под следствие и были посажены под домашний арест. Враги стали нам больше не страшны, мама после трех лет отсутствия снова была с нами, и мы могли спокойно жить дальше. Хотя родители все-таки опасались возвращаться в Петербург.

Первого сентября я пошла в свою гимназию в Питере заочно. Для меня составили план индивидуального

обучения с занятиями и промежуточными аттестациями. Я должна была сама изучать предметы и иногда сдавать контрольные. Но Настя и Ваня, близнецы, мои лучшие друзья с яслей, придумали, как сделать мою жизнь веселее. Они каждый день брали меня на уроки. «Взять с собой Нину» означало принести смартфон со включенной видеосвязью и установить его так, чтобы я могла видеть учителя и доску. С близнецами я «ходила» на их курсы и кружки и обогатилась знаниями по математике и истории феминизма в России.

В жаре Сицилии не хотелось ничего делать. Только лежать в гостиной и пялиться в телевизор, не понимая ни единого слова. Но мама не дала расслабиться. Она взялась за меня всерьез. Первое, что она сделала, — пришла в ужас от моих годовых оценок в школе. Потом она пришла в ужас от моих чудовищ на рисунках. А еще она пришла в ужас от моего английского, моей физподготовки (я не смогла проплыть в море и ста метров), от моей одежды и прически, от того, что я бросила ушу, не умею готовить и пью по пять чашек кофе в день.

— Павел, куда ты смотрел?! — она в волнении ходила туда-обратно по нашей первой квартире в Катании.

Папа пожимал плечами. Ему было не до этого. Директор его фирмы согласилась, чтобы он временно поработал на удаленке. Но оказалось, что папиной

зарплаты, нормальной для Петербурга, не хватает, чтобы жить на Сицилии так, как мы привыкли. Сначала мы снимали две комнаты на окраине Катании. Потом папа нашел отличный вариант — отдельную квартирку в Сиракузах. Она находилась в старой части города, разместившейся на маленьком островке, Ортиджии.

— Смотрите, смотрите, — он показывал нам фото на экране ноута. — Какая романтика! Остров! Настоящий исторический центр! Ковер на стене! Гостиная выходит прямо на улицу! И вайфай есть. Но главное — в три раза дешевле!

Фотографии выглядели заманчиво, поэтому мы выслали арендодателю предоплату, собрали две небольшие сумки с вещами и приехали в Сиракузы. Едва попав на остров, мы сразу поняли, почему квартира стоила в три раза дешевле. Старый город оказался нагромождением двухэтажных домиков с узкими улочками между ними — огромной итальянской коммуналкой, где в микроскопических двориках сидели старухи в черном, из окон выглядывали полуголые дети, на подоконниках лежали разморенные жарой кошки. На протянутых между окнами веревках сушилось белье. В нос тут же ударил запах помоев, кошек, разваренной пасты. Впрочем, не весь остров был таким. Тут же, буквально в двух шагах, находился парадный туристический центр: площади, соборы, respectable отели.

Родители, в ужасе от собственной недалёковидности, молча пробирались к месту назначения. На домах не было номеров, только изредка встречались потрепаные таблички с названиями улиц. Наконец мы нашли нужную улочку и сразу же попали под пристальный осмотр местных старушек и детей.

Хозяин квартиры, не замечая растерянности родителей, показывал комнаты, импровизированную кухню прямо в гостиной и крошечный туалет. Душ нависал в полуметре от унитаза, и папа спросил, почему нет занавески.

— Слишком мало места, — пояснил хозяин на едва понятном английском. И показал пальцем в пол. — Вода стекать вот сюда, потом дверь в туалет открыть, чтобы быть... быть... быть... — он вспоминал нужное слово, — сухой.

Позже мы пробовали повесить занавеску, но вода, как и говорил владелец, пробивалась через пластик, и ванная была мокрой.

— Ценного в доме не быть, не иметь, а то исчезнуть, — Винченцо закатил глаза.

— У вас есть какая-нибудь посуда? — спросила мама.

— Конечно! Есть все, в чем вы нуждаться! — с готовностью отозвался хозяин.

— Ну, это вряд ли, — прокомментировал папа по-русски.

Винченцо открыл буфет и показал маме несколько тарелок, разномастные кружки и кастрюли, покрытые слоем жира. Мама поморщилась.

Прощаясь с хозяином, мы увидели, что с порога дома напротив на нас с любопытством смотрят дети и бабушка. Папа вежливо улыбнулся, закрыл двери и опустил крючок. Повернулся к нам.

— Переехать сможем со следующей зарплаты, через месяц.

Мы с мамой закивали.

Но потом оказалось, что платить за квартиру в три раза меньше — очень приятно. Оставались деньги на более-менее нормальную еду, одежду, на поездки в соседние города и ежемесячные семейные походы в ресторан. Оказалось, что по сравнению с соседними улочками наша не такая уж узкая, а соседи хоть и многочисленны, но довольно тихие по итальянским меркам. И мы остались в Ортиджии.

Мама нервничала, потому что никак не могла сдать отчетность по гранту, который позволил ей, как шутил папа, «партизанить три года в Ленобласти» — то есть скрываться и тайно проводить исследования, чтобы оспорить результаты, подтасованные директором ее НИИ, и остановить выпуск вредного лекарства.

— Говорят, что не могут зачесть расходы последней недели. Но должны же мы были на что-то приехать! — сердито рассказывала она, в очередной раз вернувшись

из университета Катании. — Чертовы бюрократы, из-за трех тысяч удавятся. Зато везде написали, что действующее вещество проходит последние испытания! И моя фамилия — последняя в списке!

История с грантом тянулась и тянулась, из-за нее маму не брали преподавать ни в один университет. Она не могла устроиться даже лаборантом.

— Бюрократия побеждает науку, — сказала она и стала искать подработку. Иногда были заказы на перевод диссертаций или научных статей для журналов. Когда заказов не было, она сидела за ноутбуком. Я заглядывала ей через плечо: университеты Торонто, Токио, Филадельфии, научные кафедры и много непонятных слов.

Денег все равно не хватало. Мы научились пользоваться бесплатной прачечной, ходить по музеям в бесплатные дни, записываться на бесплатные приемы к врачам и собирать опунции* у моря, чтобы не покупать их в супермаркете.

Море! Оно окружало наш островок — живое, настоящее, синее. До набережной было всего двести метров, а до пляжа — километр. Я ходила к морю каждый день после уроков. Темно-синее, почти черное у горизонта, оно светлело и становилось пронзительно-лазурным у берега.

* Кактус со съедобными плодами. Имеет кисло-сладкий вкус.

Вездесущее итальянское солнце проникало в самые закрытые уголки и жарило даже зимой. Мне требовалось несколько слоев солнцезащитного крема и широкополая шляпа, чтобы не сгорать. Но мама радовалась жаре, теплые вещи тут были не нужны. Она принарядилась сама и накупила мне десяток платьев на распродажах.

— Приведем в порядок волосы, купим еще кое-какую одежду, подтянем английский, и все будет хорошо, — задумчиво говорила она, расчесывая мои длинные волосы.

Она взвешивала их на ладони, перебирала, подносила к глазам. Я смотрела на наше отражение в зеркале: подросток и худая женщина в белом. Тогда мне впервые пришло в голову, что она не имеет никакого права после трехлетнего отсутствия вот так распоряжаться моими волосами и говорить, что мне лучше изучать — рисунок или английский, но промолчала. Эти мысли появлялись каждый раз, когда она слишком уж откровенно говорила, куда мне следует ходить и что делать. Но в первое время я была как во сне от ее неожиданного возвращения, а потом протестовать было уже поздно. Она снова подмяла нас под себя. Снова мы делали и говорили то, что она хотела. Точно как до ее исчезновения.

Сочная солнечная Сицилия не давала впасть в уныние, как это обязательно случилось бы в Питере. Едва

я погружалась в него, кто-то из родителей просил меня сбегать в магазин или на почту. За узкими улочками Старого города было дышащее одновременно свежестью и жаром море, соборная площадь, лоток с замороженным йогуртом, у которого всегда стояла очередь. Загорелые люди спешили по делам или сидели на скамейках в тени фикусов. В тени настоящих, а не комнатных фикусов — раскидистых деревьев с листьями размером с большую ладонь и толщиной с нее же. Нищие, сидящие у супермаркетов с баночками для мелочи, выглядели счастливо и дружелюбно.

— Ciao, bella!* — восклицали они, когда я входила или выходила в стеклянные двери.

Сегодня до двенадцати я была свободна. Выпила кофе, полистала ленты соцсетей, поставила несколько лайков, в том числе — маме, которая зачекинилась в кофейне «Красный жеребец» возле автовокзала (селфи родителей, щурятся от солнца). У поста было больше тысячи лайков, хотя не прошло и часа, как она его опубликовала.

Заглянула в холодильник. Там стояли йогурты, молоко, несколько пачек тортеллини (все с овощной начинкой), вчерашний суп в кастрюльке, в дальнем углу — несколько кусков подсохшей ветчины на блюде. Позаботились, нечего сказать.

* Чао, белла! Привет, красотка! (*итал.*)

Я взяла блюдце с ветчиной, поискала в шкафу еще что-нибудь съедобное. Среди бутылок с соусами и оливковым маслом нашла открытую и наполовину опустошенную коробку с грибочками: песочная ножка и шоколадная шляпка. Посмотрела на часы, взяла ноутбук, села с ним на диван и запустила скайп. Пока крутилось колесико загрузки, успела сжевать всю ветчину, но едва поднесла ко рту пару грибочков, как на экране появилась Вера.

ГЛАВА 2,

КОРОТКАЯ,
В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ПОПАДАЕТ
НА САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ ПРИЕМ
ПСИХОЛОГА

— Привет, дорогая. Меня слышно?

— Да, а меня?

— Слышно. Подожди, налью себе чаю.

Она исчезла из кадра, и до того, как снова появилась с кружкой в руках, я успела съесть горсть грибочков.

— На чем остановились позавчера? — спросила она и отпила из кружки.

Сегодня ногти у нее были темно-вишневые. На правой руке — браслет, десяток широких и плоских серебряных цепочек с кучей разных висюлек: рыбки, морские коньки, зайчики, сердечки. Вся эта мимишная масса тихо брякала, когда подвески ударялись друг о друга. Я не отвечала на вопрос и продолжала с удовольствием ее разглядывать. Идеальный макияж — будто его и нет. Правый висок выбрит, темно-каштановые волосы откинута на левую сторону. Я могла любоваться ею бесконечно. Каждый раз был новый маникюр или новая блузка, сегодня — новая стрижка.

— Не помню, — наконец ответила я, на самом деле для того, чтобы не продолжать прошлый скучный разговор. — Сегодня начались каникулы.

— Оу. Будешь отдыхать?

— Да. А родители уехали в Ното. На неделю.

— Ого. Не побоялись оставить тебя?

Я подумала.

— А чего бояться? Они всегда так делали.

Вера подняла голову и нахмурилась. Я продолжила:

— Это же Сицилия, тут не страшно.

Вера, одна из многочисленных маминых подруг, согласилась взять меня за символические деньги. По маминым словам, ребенок после травмы (то есть я) обязательно должен пройти курс у психолога. Разговоры с Верой по скайпу казались мне бессмысленными: час она задавала вопросы, а я рассказывала, что происходит или происходило в прошлом, отвечала на «и что ты тогда почувствовала?» или «что ты чувствуешь?». После сеансов, которые должны были улучшить мое эмоциональное самочувствие, в голове оставалась только пустота и звуки моря в непогоду — шум волн, гремящий ветер, стук тяжелых фикусовых листьев.

Но я любила смотреть на нее, любила ее уверенные движения и внимательный взгляд.

— И все-таки вернемся к вопросу, который обсуждали в прошлый раз, — Вера снова отпила чаю и заложила

за ухо выбившуюся прядку. Я называла ее Верой и говорила «ты», хотя она была одного возраста с родителями. — Как отношения с папой?

Я подумала.

— Кажется, такие же, как прежде. Он ведет себя, как будто ничего не было. Они оба ведут себя, как будто приехали в отпуск, — я начала волноваться, потому что чувствовала, по всей видимости, «О» — обиду. Она поднималась во мне, как бушующее море, но я усилием воли вернула его в берега, хмурое и беспокойное.

— И что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что она нас бросила на три года. Потом вернулась, а он просто так это проглотил.

— А ты?

— И я тоже.

Она снова отпила из кружки. Звякнул сообщением телефон, лежавший за пределами камеры. Она прочитала и улыбнулась.

— И что ты чувствуешь по этому поводу?

Я начала раздражаться. С недавних пор на этом вопросе мне хотелось захлопнуть ноутбук.

— Ну-у-у... Мне кажется, когда она такое устроила, он мог бы...

— Я спросила, что ты чувствуешь.

Я замолчала — снова шум волн и «Р», раздражение.

— Раздражение.

— Раздражение на что?

— Что он такой, — я хотела сказать много обидных слов: «тряпка», «слабак» или что-то похуже, но сказала: — Мягкий. И что мы снова делаем все, что она нам говорит.

— Хм... — Вера прочитала еще одно сообщение. К моему раздражению прибавилась «Т» — тоска. — Это называется эмоциональный перенос. Ты переносишь свою обиду на отца, хотя изначально она направлена на Сашу... эээ... то есть на твою маму.

— И что с этим делать?

Она ответила, что мы, то есть я и она, будем это «прорабатывать» и направим мою обиду «в правильное русло».

— Шутить с этим нельзя, — сказала она, — мало ли какие побочки* ты словишь от вытесненной ненависти.

— Какие, например? — полюбопытствовала я. Побочки могли оказаться интереснее наших с ней сеансов.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — уклончиво ответила Вера. Она гипнотизировала меня, глядя в глаза из своего кабинета на Петроградке**. — Но если ты почувствуешь какие-то изменения, неважно какие,

* Побочные эффекты, то есть нежелательные явления, возникающие в организме от действия лекарств. Здесь употреблено в широком смысле — непредвиденные результаты.

** Исторический район Санкт-Петербурга.

любые изменения состояния, не стесняйся — звони или пиши мне в любое время, хорошо?

— Угу.

Я украдкой вздохнула и посмотрела на часы в правом верхнем углу. Оставалось еще сорок пять минут, целых полжизни.

Мы обсудили отношения родителей (они, говорит Вера, не твое дело), нашу семейную жизнь и финансовую ситуацию, мамину известность и что я чувствую — по каждому из этих поводов. Час наконец-то подошел к концу. Я с облегчением закрыла ноутбук и высыпала в рот горсть грибочков. Посидела с закрытыми глазами, успокаивая свои «О» и «Р». Они становились все меньше, и когда стали крошечными, я мысленно взяла щетку и вымела их на улицу.

После маминого исчезновения, все годы, пока мы с папой жили вдвоем, я была в такой глубокой заморозке, что ничего не ощущала. Чтобы справиться с пустотой, я начала рисовать, по крайней мере, так говорит Вера. На моих рисунках у людей были головы вымерших миллионы лет назад рептилий — кронозавров, архонов, плезиозавров. Краски были серыми и черными, мир вокруг — безразлично-отстраненным. Когда она вернулась, мир снова обрел цвета, запахи. Доисторические чудовища исчезли, их заменили рыбки и теплое синее море. Но вместе с мамой ко мне вернулись чувства, которые смели, оглушили